

ОБРЯД ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОМ И РУБЕЖАНСКОМ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2002 г. В. С. Аксенов

Харьковский исторический музей

Обряд обезвреживания погребенных отмечен на многих могильниках Восточной Европы. Впервые на преднамеренное (ритуальное) разрушение скелетов, погребенных на Верхне-Салтовском и Дмитриевском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры, обратили внимание Д.Т. Березовец и С.А. Плетнева (Плетнева, 1967. С. 80, 83, 88). Широкомасштабные исследования Дмитриевского могильника позволили С.А. Плетневой указать, что частичному или полному разрушению людские костяки могли подвергаться как с целью обезвреживания погребенных (Плетнева, 1989. С. 187), так и во время ограбления погребальных камер (Плетнева, 1989. С. 189, 191). При этом исследовательница все же больше склонна видеть в разрушенных костяках результат ограбления или, в крайнем случае, результат действий по освобождению места для нового подзахоронения (Плетнева, 1989. С. 178, 191). В полной же мере обряд обезвреживания погребенных удалось проследить на материалах Маяцкого катакомбного могильника (Флеров, 1984. С. 180–187). После чего о существовании этого обряда у аланского населения салтово-маяцкой культуры уже в течении ряда лет пишет В.С. Флеров (1993; 1997). Исследователь не без оснований утверждает, что нельзя все погребения с разрушенными костяками считать ограбленными. В частности, на примере захоронений Маяцкого катакомбного могильника В.С. Флерову удалось показать, что как полное, так и частичное разрушение костяков в салтовских катакомбных захоронениях является стремлением обезопасить живых от возможного отрицательного воздействия их умершего родственника (Флеров, 1993. С. 44–51). Там же исследователем изложена историография данного вопроса (Флеров, 1993. С. 53–60).

При многолетних исследованиях катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса и могильников, расположенных в непосредственной близости от него – Рубежанского могильника (РМ), погребения с разрушенными костяками трактовались исследователями неоднозначно. Так, в некоторых случаях разрушение костяков авторы раскопок связывали с обрядом обезвреживания погребенных (Бородулин,

1989. С. 12, 17, 25), в других, без всяких объяснений, – считали результатом ограбления могил (Бородулин, 1987. С. 25, 56; Семенов-Зусер, 1949. С. 120, 129). Разрушение костяков некоторые исследователи объясняли результатом обвала свода камер или просачиванием в погребальную камеру воды (Семенов-Зусер, 1949. С. 115, 126, 132; 1952. С. 271).

Возобновление исследований Рубежанского (1995) и Верхне-Салтовского IV (ВСМ-IV) (1998, 1999) катакомбных могильников экспедицией Харьковского исторического музея позволило выявить следы обряда обезвреживания погребенных. Они во многом оказались сходными с проявлениями этого обряда в захоронениях Маяцкого катакомбного некрополя, которые в силу каких-то причин не были зафиксированы при предыдущих исследованиях указанных могильников.

В исследованных захоронениях Рубежанского (№ 14–18) и Верхне-Салтовского IV (№ 28, 30, 31, 33, 36, 37, 39, 40, 42–49, 51) катакомбных могильников на глубине 0,6–0,8 м от современной поверхности почвы дромос в плане имел “булавовидную” форму (рис. 1, 1, 4; 2, 1, 3; 3; 4, 1, 3; 5, 1, 3; 6, 1, 3; 7, 1, 4; 8, 1, 3; 9, 1, 3). В ближнем к погребальной камере конце дромоса четко фиксировалось пятно хода повторного проникновения в захоронение. Расположенная ниже по склону часть пятна имела в плане форму вытянутого прямоугольника и представляла собой не потревоженную последующим перекопом начальную часть дромоса. Заполнение этой части дромоса во всех случаях было достаточно однородным и состояло из чистого суглинка, вследствие чего оно лишь незначительно отличалось по цвету от материка. Какие-либо вещевые находки для этой части дромоса не характерны. При вскрытии этой не потревоженной части заполнение легко отслаивалось от ровных, тщательно исполненных боковых стенок дромоса, которые с глубины 1,3–1,5 м от современной поверхности почвы достаточно хорошо фиксировались по белесоватому налету. Такой же белесоватый налет отмечался многими исследователями верхне-салтовских захоронений на стенках, чаще всего незаполненных грунтом и сохранивших свой первоначальный свод погребальных ка-

мер. Он принимался ими за преднамеренную побелку камер (Бородулин, 1986. С. 39; Тесленко, 1927. С. 354). Однако еще в начале XX в. А.М. Покровский указал на ошибочность подобных взглядов (Покровский, 1905. С. 466). Длина не потревоженной части дромоса в исследованных нами захоронениях составляла от 1/2 до 2/3 общей его длины.

Ход повторного проникновения в погребальную камеру на уровне обнаружения имел в плане эллипсовидную, каплевидную или грушевидную форму, а ширина его несколько превышала наибольшую ширину не потревоженного дромоса. Заполнение хода повторного проникновения отличалось от материка и заполнения начальной части дромоса более темным цветом, составом, плотностью. Оно состоит из слоев перемешанного грунта (с преобладанием чернозема), имевших общий наклон в направлении камеры. В заполнении на разных глубинах встречаются древесные угольки, фрагменты салтовской кухонной и столовой керамики. Иногда в засыпке хода повторного проникновения находились целые или неполные скелеты домашних животных (коза—овца) (№ 14, 18 РМ) (рис. 5, 1), отдельные вещи — кружечка (№ 28 ВСМ-IV) (рис. 2, 1), железный фалар и железный нож (№ 37 ВСМ-IV) (рис. 8, 1). По плотности заполнение хода повторного проникновения более рыхлое, чем утрамбованное первоначальное заполнение дромоса, за исключением тех случаев, когда оно состоит из затечного грунта. В последнем случае оно очень плотное и вязкое. Стенки хода повторного проникновения неровные, наклонные и лишь у входа в погребальную камеру совпадают с первоначальными стенками дромоса. Границей между вторичным и первоначальным заполнением дромоса часто служил слой достаточно плотного нагоптанного грунта, иногда с вкраплениями древесных угольков, концентрация которых возрастает по мере приближения к входу в камеру. В идеальном случае дно хода повторного проникновения дополнительно фиксируется по лежащему на нем каменному (№ 28, 30, 33, 44, 49 ВСМ-IV) (рис. 2, 1; 4, 1; 6, 1; 9, 1, 3) или деревянному (№ 36, 37, 43 ВСМ-IV, № 15, 17, 18 РМ) закладу (рис. 1, 1; 2, 3; 5, 3; 8, 1).

Иногда на дне дромоса, у входа в погребальную камеру, лежали железные черешковые ножи (№ 36, 37, 43, 48 ВСМ-IV). Во всех отмеченных случаях они, возможно, играли роль своеобразных берегов, ибо были направлены острием в сторону погребальной камеры и должны были служить дополнительным препятствием на пути мертвеца к выходу. В катакомбе № 48 (ВСМ-IV) таким препятствием выступало и тесло-мотыжка, положенное у входа в погребальную камеру. Применение острых железных предметов в качестве своеобразных берегов отмечено исследователями и на

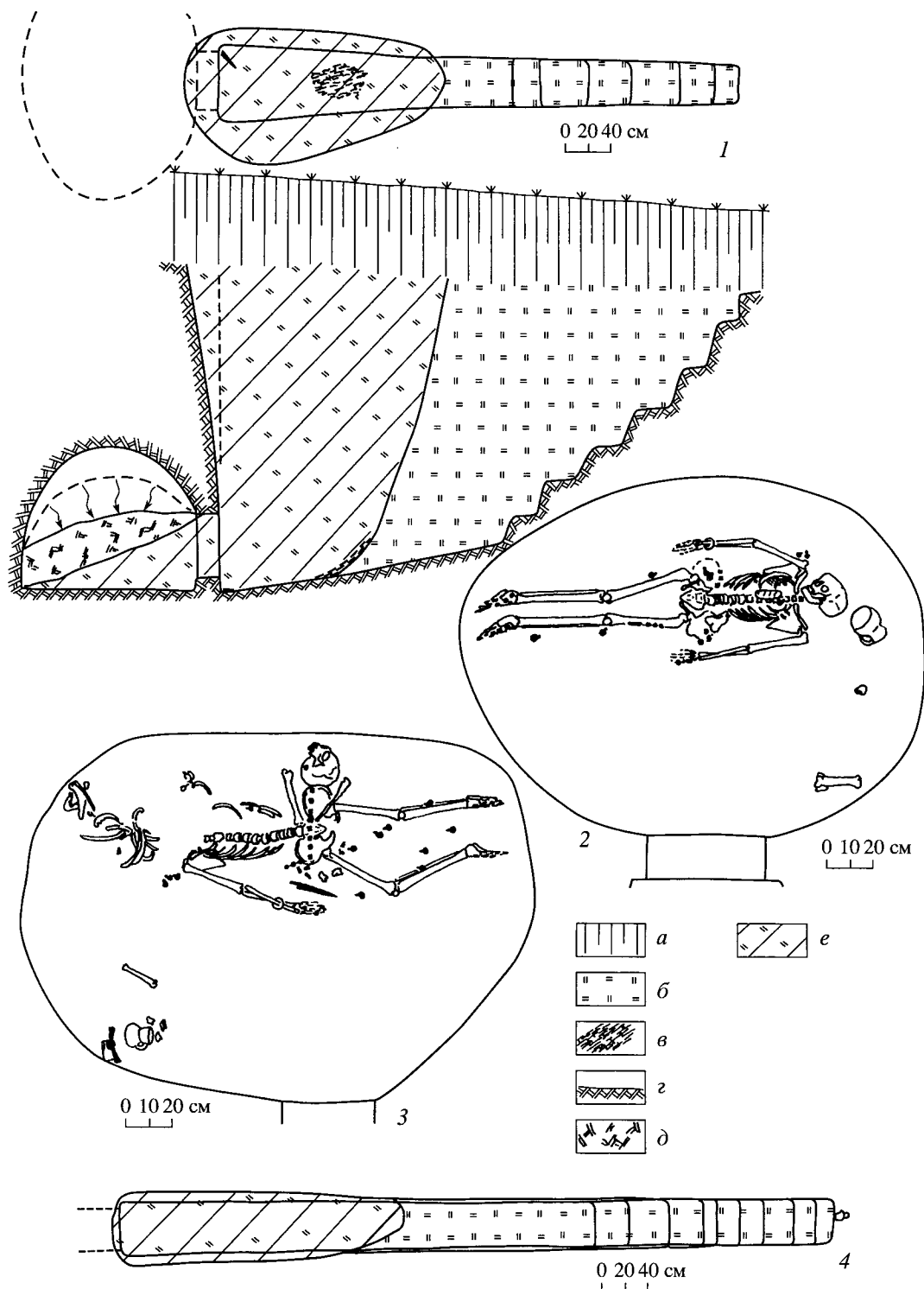
других катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 192).

Сами камеры, как и вход, были до высоты входа забутованы грунтом, соответствующим своей слоистостью и составом заполнению хода повторного проникновения. Так, в катакомбах № 31, 33 ВСМ-IV заполнение камер состояло из 5–6 чередующихся слоев мешанного грунта (толщина 2–4 см) и слоев чистого суглинка (толщина 8–12 см). В слоях мешанного грунта встречались древесные угольки, фрагменты салтовской столовой керамики, тогда как в слоях суглинка какие-либо находки отсутствовали.

В исследованных катакомбных захоронениях были представлены следующие способы обезвреживания погребенного: отделение черепа (№ 17 РМ, № 30 ВСМ-IV) (рис. 2, 4; 9, 2); разрушение грудной клетки, рук со смещением черепа (№ 14–16 РМ, № 28, 31, 37, 39, 44–46 ВСМ-IV) (рис. 1, 3; 2, 2; 3, 1, 4; 4, 4; 5, 2; 8, 2; 9, 4); полное разрушение скелета с разбрасыванием костей по полу камеры (№ 18 РМ; № 33, 40–42, 48, 51 ВСМ-IV) (рис. 4, 2; 5, 4; 6, 2, 4; 7, 2, 3). Эти способы известны и по другим катакомбным могильникам Подонья. Как и в захоронениях Маяцкого могильника (Флеров, 1993. С. 46), были отмечены случаи изъятия части костей скелета из погребальной камеры при проведении обряда обезвреживания. Так, из камеры кат. № 46 (ВСМ-IV) были извлечены кости грудной клетки, позвонки, тазовые кости (рис. 4, 4); в кат. № 33 (ВСМ-IV) большая часть костей была изъята, а черепа трех погребенных были сложены недалеко от входа в камеру (рис. 4, 2). Последний случай для захоронений в ВСМ-IV не единичен (№ 28, 40, 47, 51) (рис. 2, 1; 6, 2, 4; 7, 3; 8, 4).

Для подтверждения тезиса о существовании у салтовского населения обряда обезвреживания погребенных необходимо более детально рассмотреть несколько характерных случаев. Наиболее показательны в этом отношении одиночные захоронения, ибо и в парных, если они были не одновременны, и в коллективных погребениях разрушение костяков, смещение отдельных частей скелета могло быть произведено при освобождении места для очередного покойника. Однако в этих случаях размещение костей и целых костяков в камере совершенно иное, чем при ритуальном разрушении скелета (рис. 2, 3).

Катакомба № 15 (РМ). В дромосе отмечен ход повторного проникновения, деревянный заклад был отброшен от входа в камеру и лежал на границе первичного и вторичного заполнения дромоса (рис. 3, 3). Кости обеих рук погребенного были сдвинуты к черепу, отброшенному со своего первоначального места (рис. 3, 4). При погребенном находился стандартный набор инвентаря: топорик-чекан, поясной набор, нож, кувшин.

Рис. 1. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 36; 3, 4 – кат. № 39; а – чернозем; б – первичное заполнение дромоса; в – деревянный заклад; г – материк, д – обрушившийся свод камеры, е – заполнение хода повторного проникновения.

Катакомба № 17 (РМ). В дромосе зафиксирован ход повторного проникновения, деревянный заклад был отброшен от входа в камеру и лежал на границе первичного и вторичного заполнения

дромоса (рис. 2, 3). У погребенного отброшен со своего места череп (рис. 2, 4). В погребении зафиксирован стандартный погребальный инвентарь. Возможно, из камеры была извлечена сабля, сло-

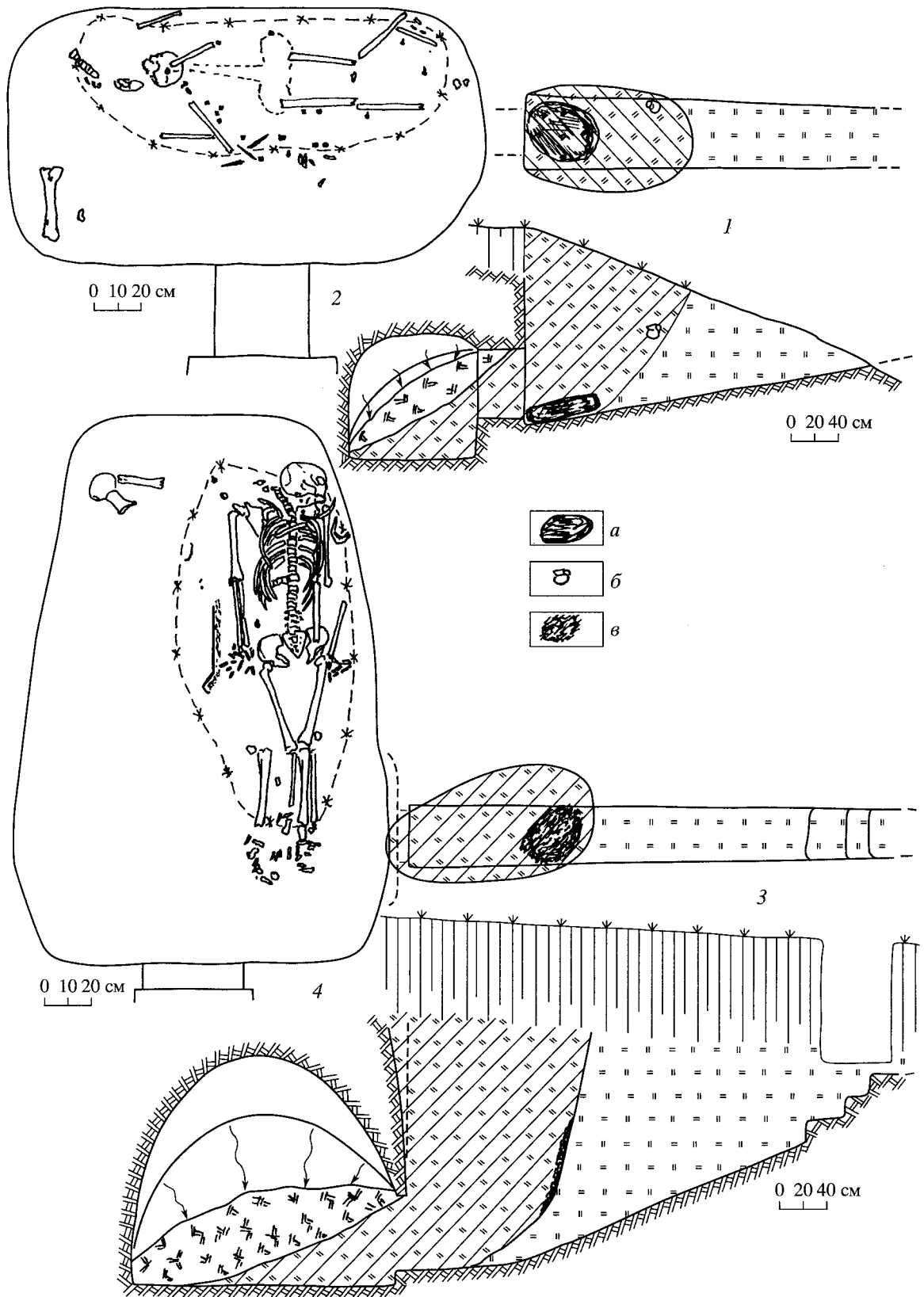

Рис. 2. 1, 2 – кат. № 28 (ВСМ-IV); 3, 4 – кат. № 17 (РМ); а – каменный заклад; б – сосуд; в – деревянный заклад.

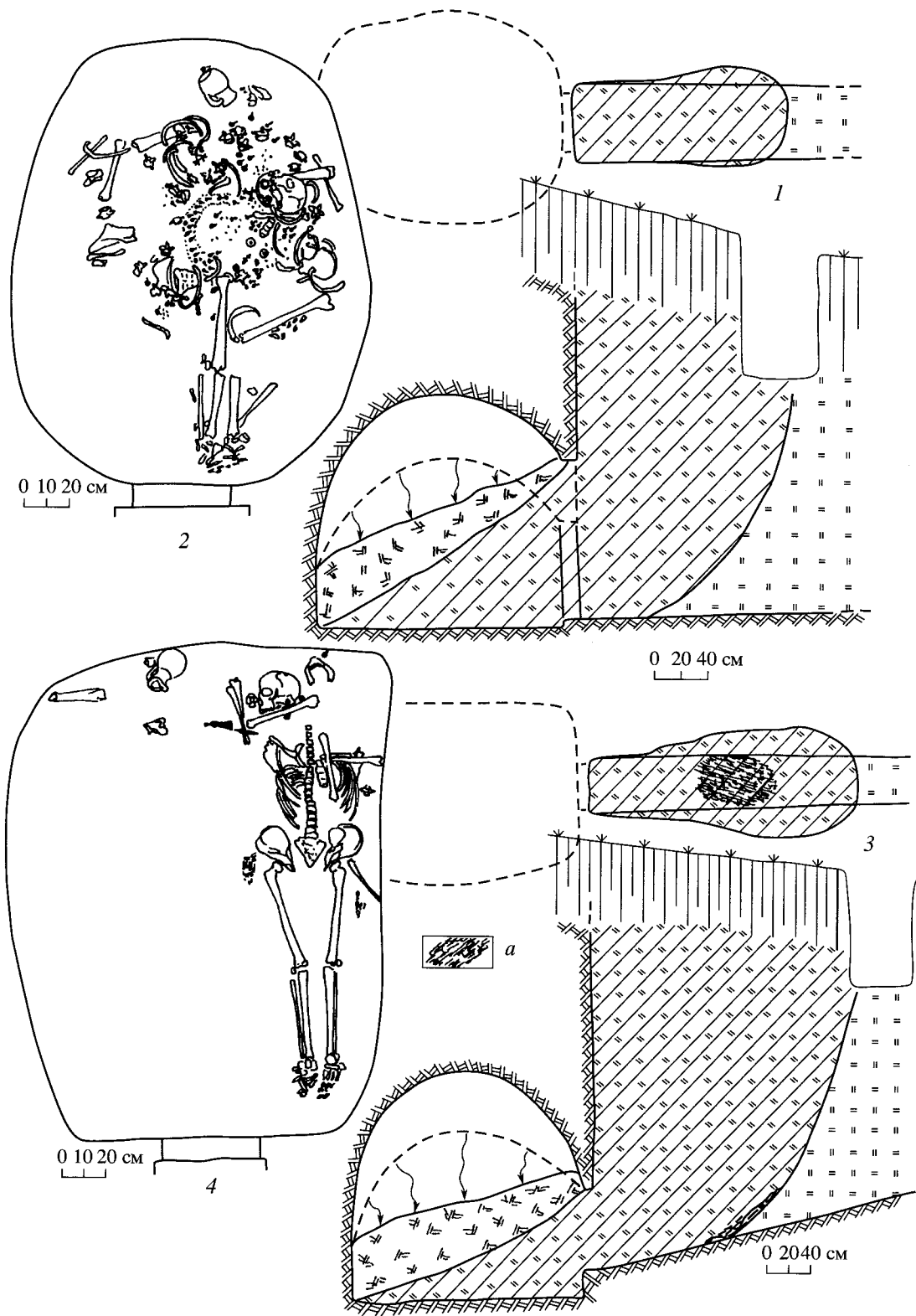

Рис. 3. Захоронения Рубжанского могильника. 1, 2 – кат. № 16; 3, 4 – кат. № 15; а – деревянный заклад.

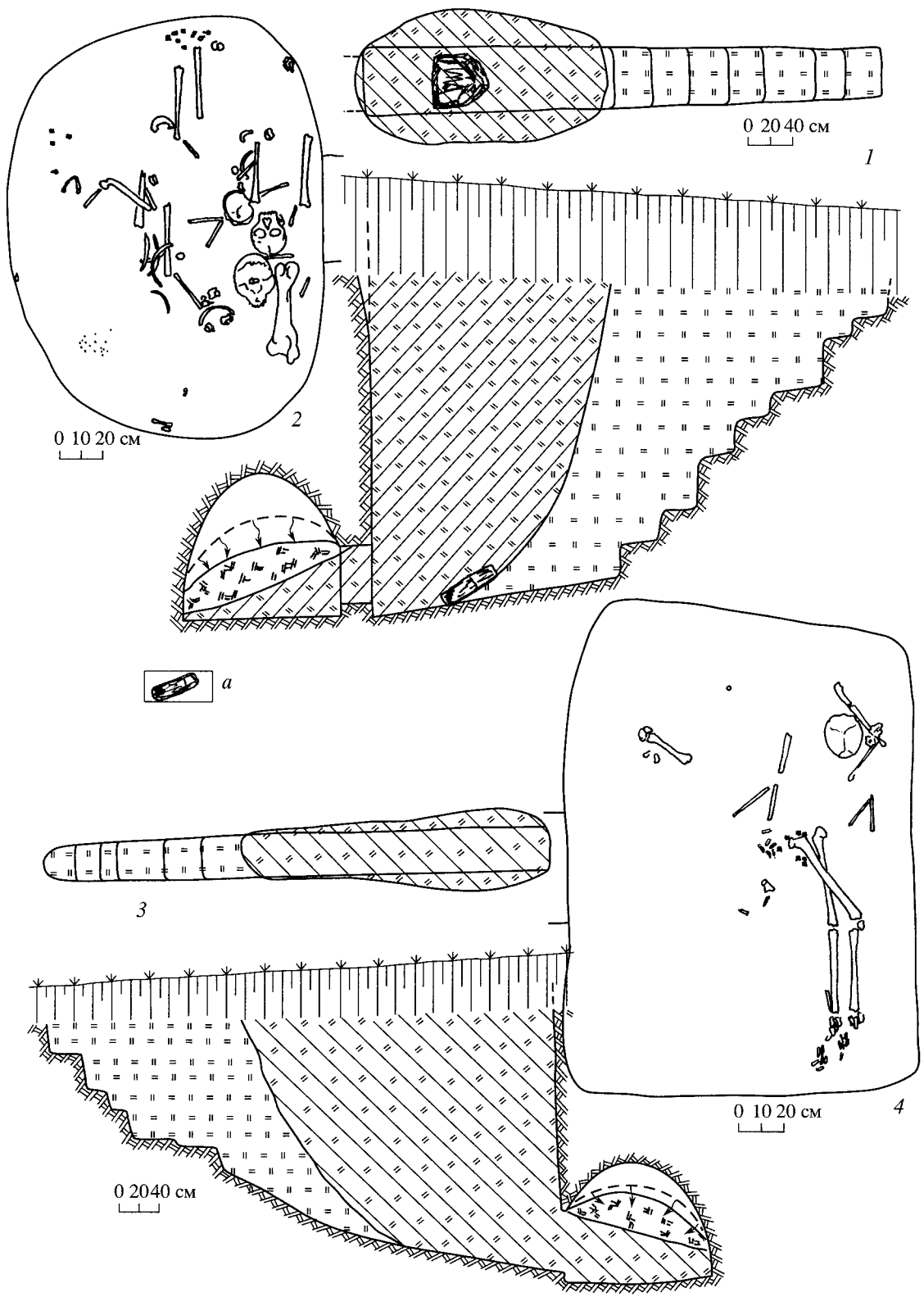

Рис. 4. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 33; 3, 4 – кат. № 46; а – каменный заклад.

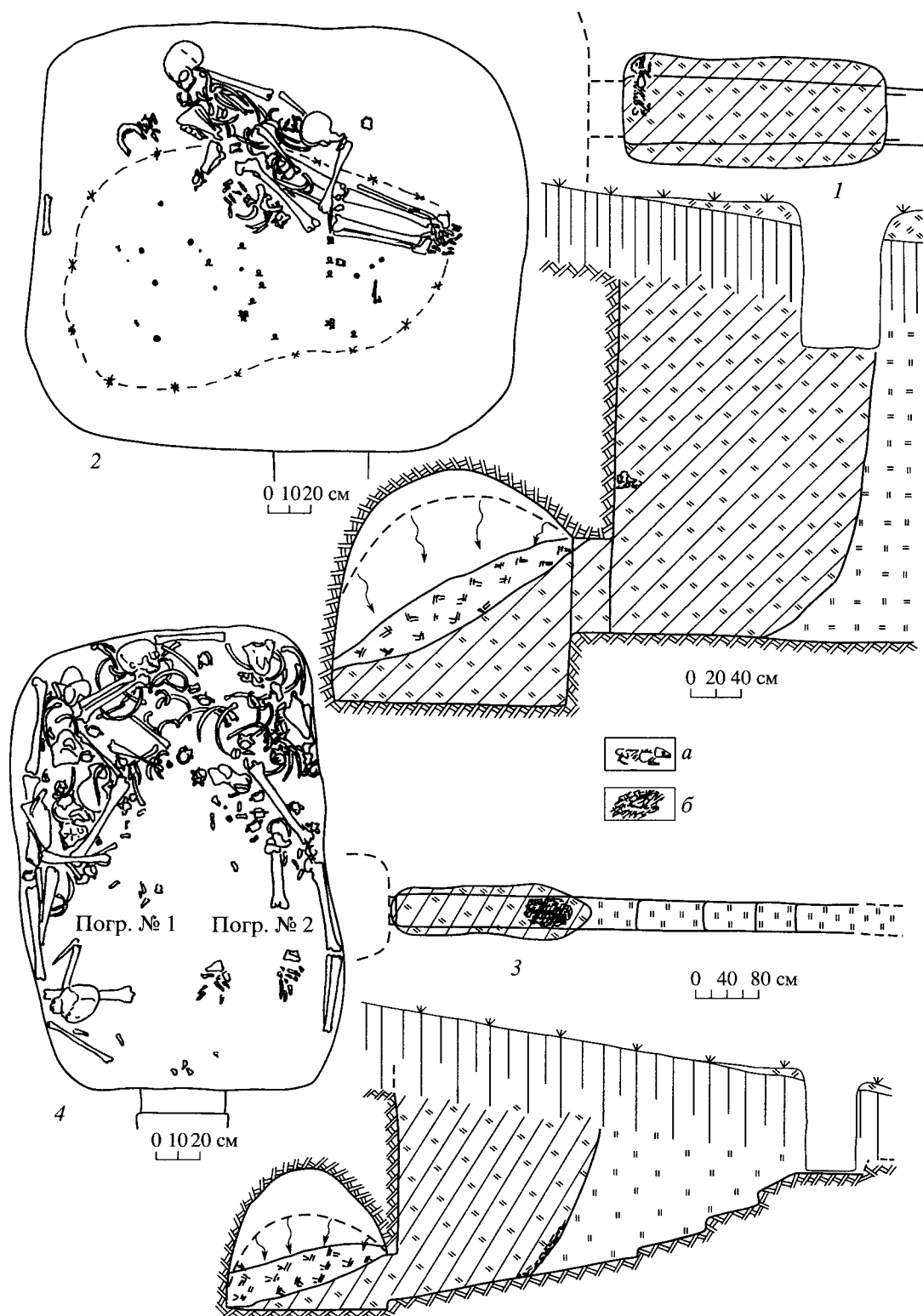

Рис. 5. Захоронения Рубежанского могильника. 1, 2 – кат. № 14; 3, 4 – кат. № 18; а – жертвенное животное, б – деревянный заклад.

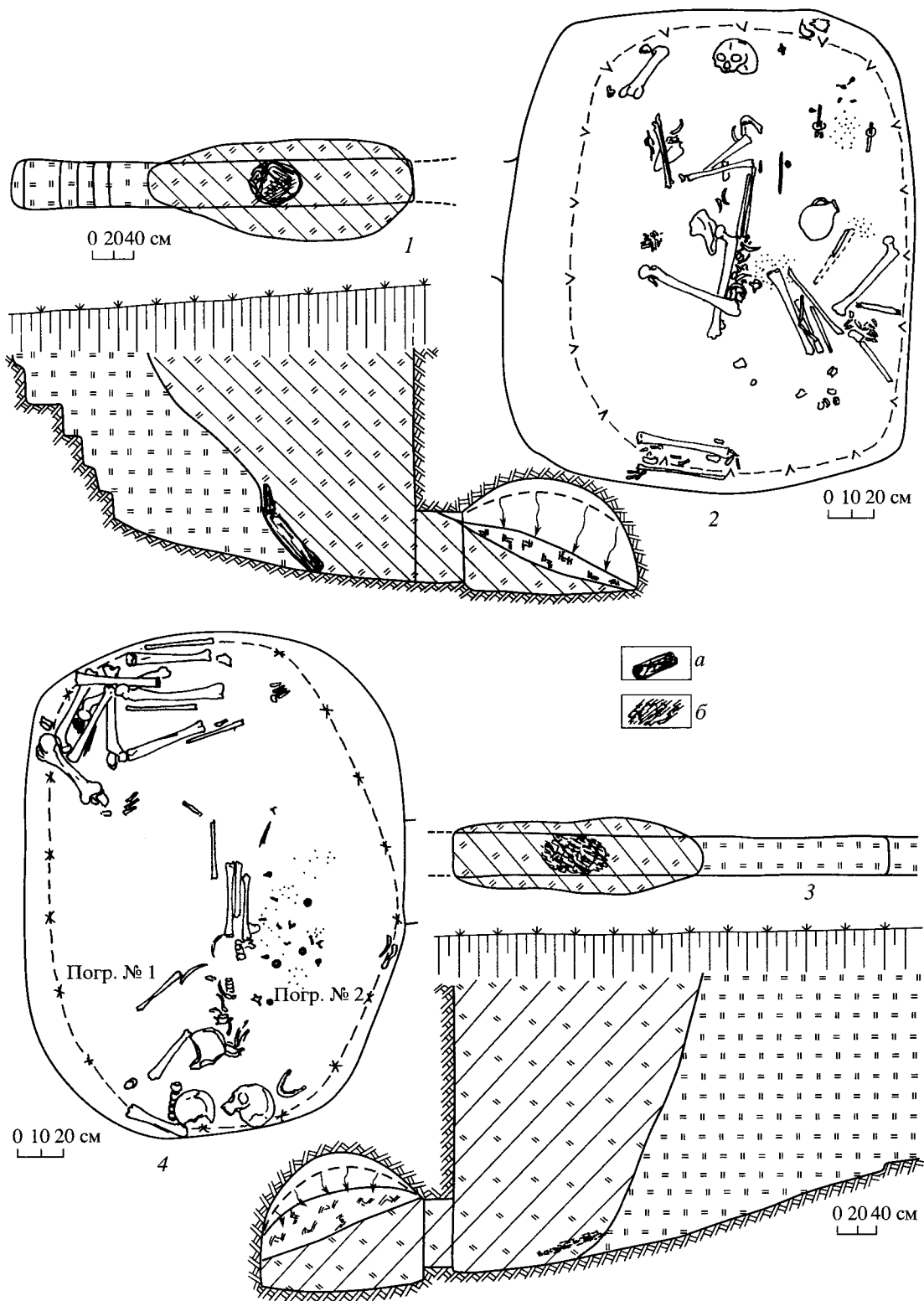

Рис. 6. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 49; 3, 4 – кат. № 43; а – каменный заклад, б – деревянный заклад.

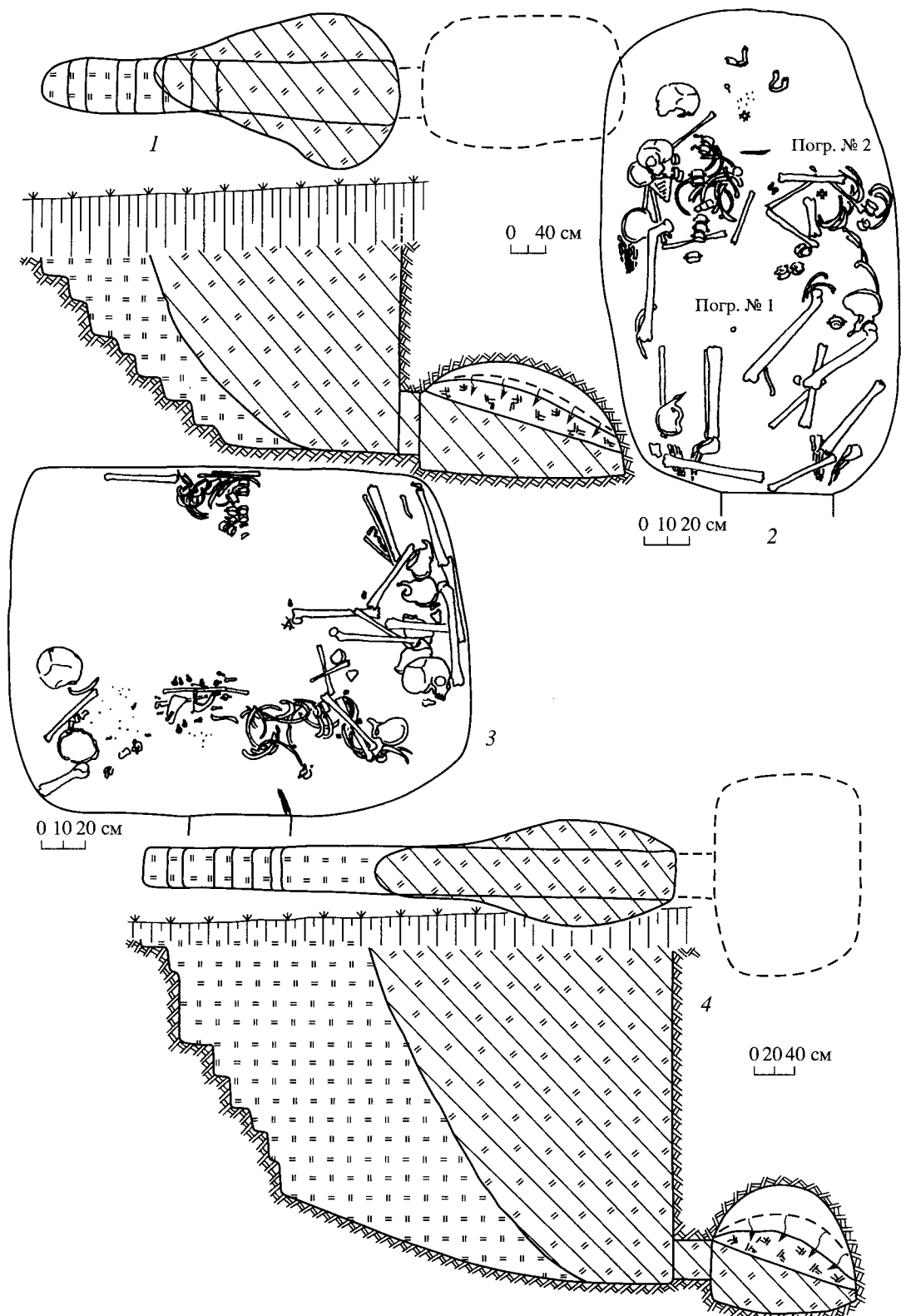

Рис. 7. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 45; 3, 4 – кат. № 51.

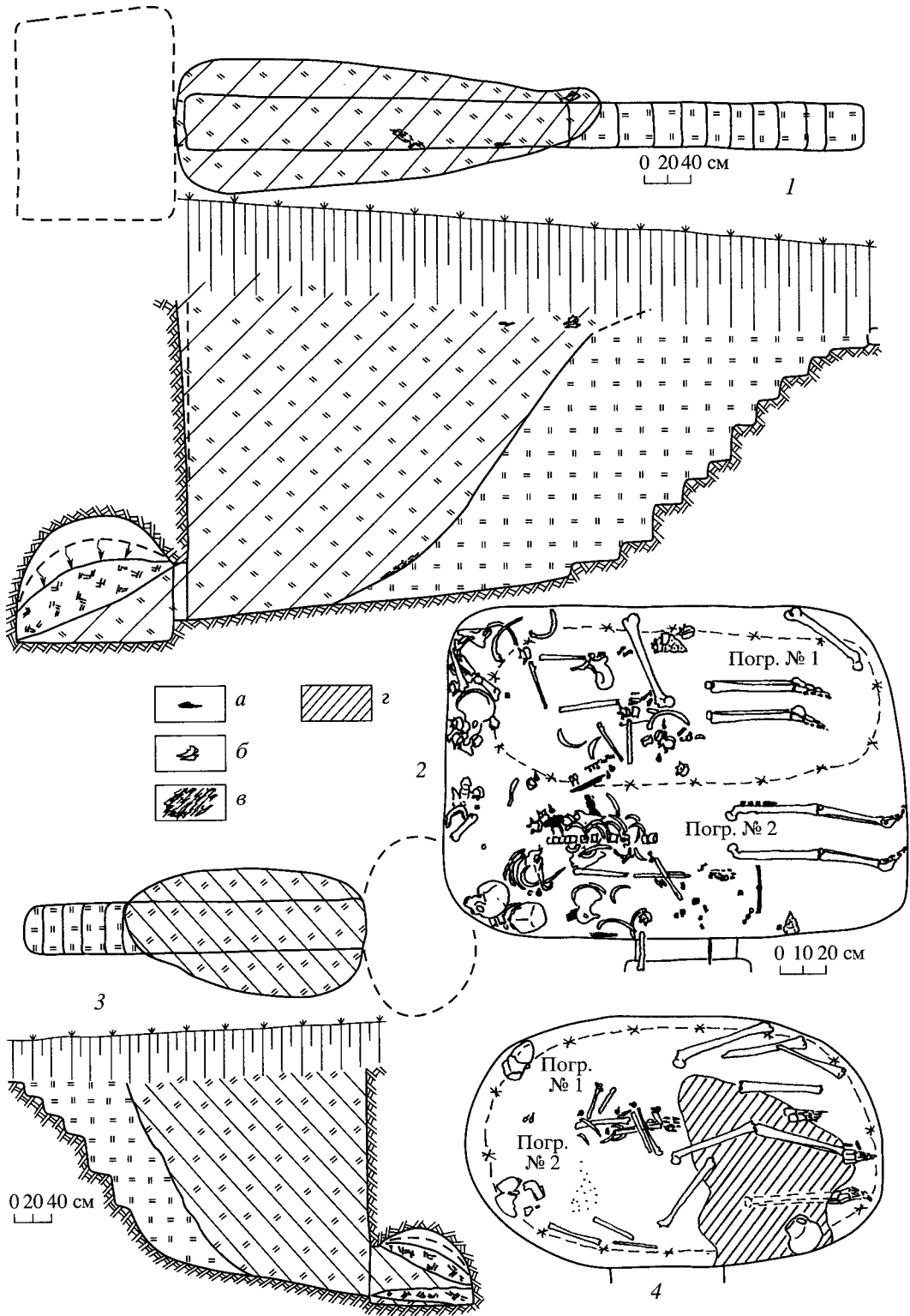
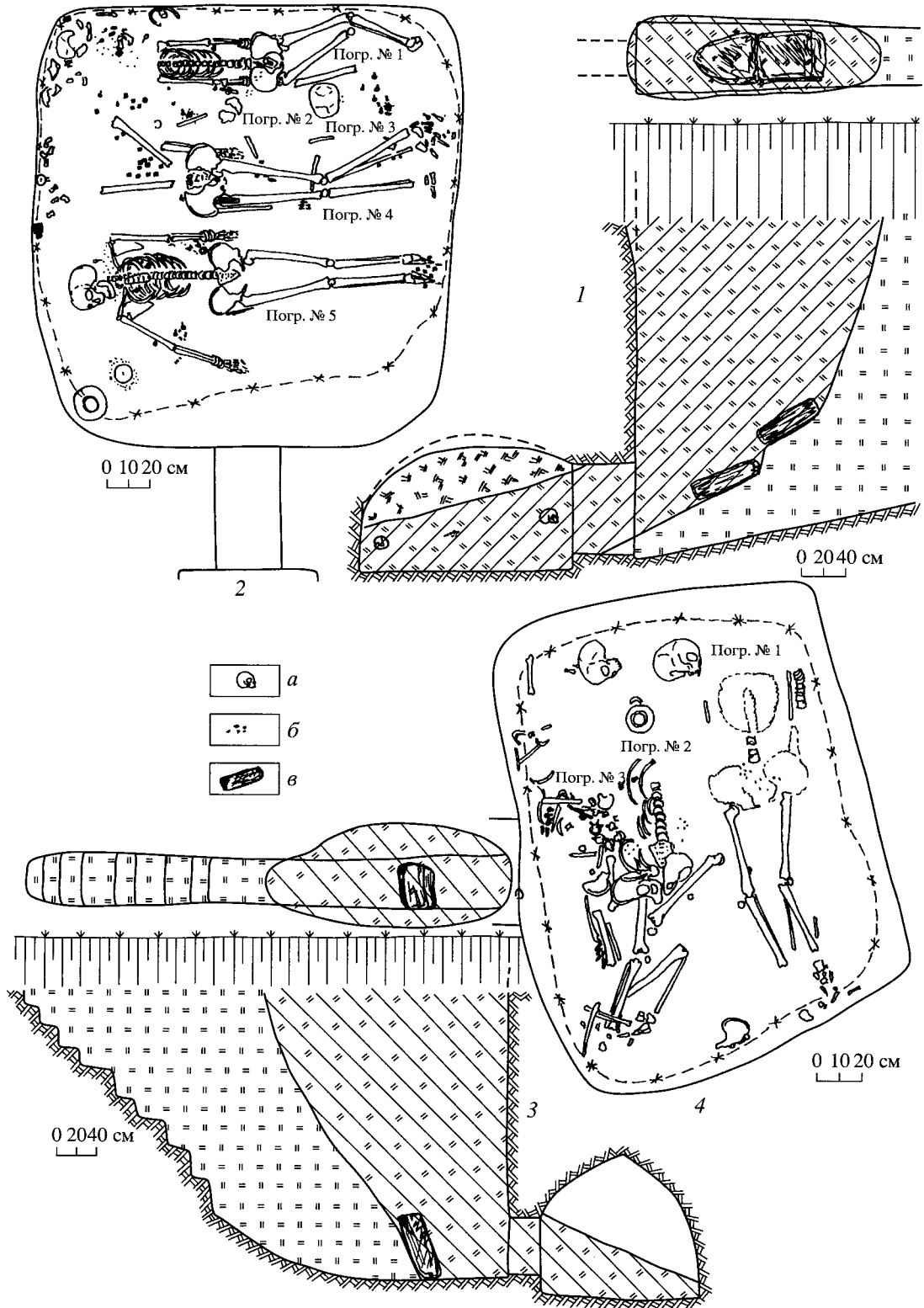

Рис. 8. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 37; 3, 4 – кат. № 47; а – железный фалар и нож; б – крупные фрагменты керамики; в – деревянный заклад; з – “затечка”.

Рис. 9. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 30; 3, 4 – кат. № 44; а – человеческий череп; б – отдельные вещи; в – каменный заклад.

манные деревянные ножны которой лежали справа от тела погребенного.

Катакомба № 39 (ВСМ-IV). В дромосе зафиксирован ход повторного проникновения (рис. 1, 4). Череп погребенного отброшен, кости левой руки смещены (рис. 1, 4). Погребальный инвентарь (топорик-чекан, тесло-мотыжка, поясной набор, нож, бронзовый разделитель, кувшин) занимает привычные места.

Катакомба № 36 (ВСМ-IV). В наличии ход повторного проникновения в камеру (рис. 1, 1). На границе первичного и вторичного заполнения дромоса лежал деревянный заклад, отброшенный от входа в погребальную камеру. На дне дромоса у входа в погребальную камеру – железный черешковый нож, направленный острием в сторону камеры. Костяк мужчины находился, однако, на полу камеры в полном анатомическом порядке (рис. 1, 2) в сопровождении стандартного погребального инвентаря (кувшин, поясной набор, нож). Вероятно, в этом случае мы имеем дело с сознательным проникновением в камеру с целью убедиться, по состоянию останков, что покойник не представляет опасности для живых сородичей. По состоянию тела умершего определяли его принадлежность к разряду опасных (живых) покойников еще в совсем недавнем прошлом (Ефименко, 1991. С. 499; Зеленин, 1991. С. 352, 420). По-видимому, состояние останков покойника из кат. № 36 убеждает проникших в погребальную камеру родственников в его безопасности для живых, тогда как в остальных описанных выше случаях сородичами были предприняты определенные меры безопасности, адекватные, по их мнению, той угрозе, которая исходила от конкретного покойника. В особых случаях, как показывают данные этнографии, тело мертвеца рубилось на куски (Франко, 1991. С. 515), тогда как в остальных случаях в грудь мертвеца забивался осиновый кол (Зеленин, 1991. С. 420).

Из парных захоронений вызывает интерес катакомба № 47 (рис. 8, 4). В камере удалось проследить массив затечного грунта, который перекрыл берцовые кости правой ноги погребенного, уложенного ближе ко входу в погребальную камеру. Затечный грунт в виде своеобразного “языка” подстилал дно погребальной камеры под левой ногой погребенного и зафиксировал кости стопы правой ноги умершего, уложенного вдоль торцевой стенки камеры. У входа в камеру толщина затечного грунта достигала 0.1–0.12 м. Его толщина по мере приближения к торцевой стенке камеры сходилась на нет. В разрезе “затечка” представляла собой массив грунта, состоящий из четырех сходящихся на нет слоев суглинка, смешанного с мельчайшими частичками чернозема. Границами между слоями выступали еле различимые белые полосы – корка высушенного затечного грунта. Подобная корка неоднократно наблюдалась нами на глини-

стом дне раскопов при их высыхании после сильных дождей. Интересно, что поверх затечного грунта, в 0.3 м от входа в погребальную камеру, находился салтовский лощеный кувшин с петле-видной ручкой.

Все это позволяет предположить, что после помещения умерших в погребальную камеру, в результате каких-то природных явлений (вероятно, весеннего таянья снегов), через небольшой зазор в деревянном закладе или зазор между каменным закладом и боковой стенкой входа просачивалась вода, несущая грунт из засыпки дромоса. До следующего подобного природного явления “затечка” успевала высохнуть, а ее поверхность – взяться белесоватой корочкой. Высыхая, затечный грунт закрепил на месте определенные кости покойников, зацементировал их. Таких природных изменений, произошедших до повторного проникновения в камеру, нами зафиксировано четыре. По прошествии (в нашем случае) 4-х лет в погребальную камеру проникли люди и совершили обряд обезвреживания погребенных: разрушили верхнюю часть костяков, при этом была изъята часть костей (тазовые кости, позвонки ребра). Вероятно, тогда же изменил свое первоначальное местоположение и кувшин с жертвенной пищей. Он оказался у ног погребенных на затечном грунте, хотя для не потревоженных захоронений характерно размещение сосудов в головах погребенных. Уже после совершения обряда обезвреживания покойников произошел обвал свода погребальной камеры, который прикрыв собой останки погребенных. Интересно, что после совершения обряда обезвреживания ход повторного проникновения в камеру не был засыпан. Об этом свидетельствует наличие затечного грунта по всей глубине и длине хода повторного проникновения в погребальную камеру. При этом затечный грунт перекрыл рухнувший свод погребальной камеры (рис. 8, 3). В несколько лет определяется период между захоронением и последующим проникновением в камеру для совершения обряда обезвреживания погребенных и В.С. Флеровым (1993. С. 44).

Обряд обезвреживания погребенных зафиксирован нами и в коллективных захоронениях, хотя в этих случаях следы его выявить значительно сложнее. Этому мешает наличие достаточно большого количества костяков – при относительно небольших размерах погребальных камер. В катакомбе № 30 (ВСМ-IV) следы обряда обезвреживания погребенных проступали достаточно явно: наличие хода повторного проникновения в камеру; отброшенный от входа в камеру каменный заклад, лежавший на границе вторичного и первичного заполнения дромоса (рис. 9, 1). В погребальной камере находились останки 5 человек (3 взрослых и 2 ребенка) (рис. 9, 2). У самого входа в камеру в полном анатомическом порядке на-

Обряд обезвреживания покойников в катакомбных могильниках бассейна Северского Донца

Могильник	PM	ССМ	ВСМ-I	ВСМ-III	ВСМ-IV
Количество катакомб	18	21	76	12	50
Катакомбы с ООП	10	7	54	6	40
%	55.5	33.3	75.6	50	80

PM – Рубежанский могильник, раскопки 1987, 1995 гг.; ССМ – Старо-Салтовский могильник, раскопки 1982–1985 гг.; ВСМ-I – Верхне-Салтовский I могильник, раскопки 1984–1989 гг.; ВСМ-III – Верхне-Салтовский III могильник, раскопки 1988, 1989 гг.; ВСМ-IV – Верхне-Салтовский IV могильник, раскопки 1989, 1990, 1996, 1998, 1999 гг.

ходилась костяк женщины, уложенной в вытянутом положении на спине головой влево от входа (погр. № 5). Так же были уложены и ранее погребенные в камере женщина (погр. № 1) и мужчина (погр. № 4), покоившиеся соответственно вдоль восточной торцевой стенки камеры и в центральной ее части вдоль длинной ее оси.

У обоих погребенных (№ 1, 4) отсутствовали черепа, а у мужчины к тому же была разрушена грудная клетка, нарушено анатомическое положение костей обеих рук. Оба черепа обнаружены в слоистом заполнении камеры на 0.2–0.4 м выше ее пола (рис. 9, 1) вместе с некоторыми вещами (бусы, бронзовые спиралевидные пронизи, пряжка-пуговица из раковины, железный нож в деревянных ножнах). Последовательность действий в данном случае представляется в таком виде: во время последнего проникновения в камеру для проведения очередного захоронения (№ 5), над ранее умершими (№ 1, 4 и, возможно, детьми) был совершен обряд обезвреживания погребенных, после чего камеру засыпали мешанным грунтом. В засыпку при этом были брошены черепа костяков № 1 и 4. Ход повторного проникновения в камеру не был засыпан полностью, так как верхние слои его заполнения состояли из затечного грунта. При ограблении разрушению должны были подвергнуться все костяки, в том числе и костяк женщины, лежащий у входа. На то, что в данном случае мы имеем дело не с ограблением, указывает факт избирательности совершенных действий и сохранность погребального инвентаря, среди которого представлены изделия из бронзы, серебра (перстни, браслеты, элементы поясной гарнитуры), золота (серьги), стеклянные, сердоликовые и гагатовые бусы (Аксенов, 1999а. С. 219. Рис. 2).

Ознакомление с полевой документацией Верхне-Салтовского I (ВСМ-I) (1984–1989), Верхне-салтовского III (ВСМ-III) (1988, 1989), Старо-Салтовского (ССМ) (1982–1985), Рубежанского (PM) (1987) катакомбных могильников позволило убедиться, что обряд обезвреживания погребенных присутствует на всех этих некрополях. При этом нами была учтена возможность естественного разрушения костяков и перемещение отдельных костей под воздействием обвала свода камер, дейст-

вий грызунов и т.п. Он представлен всеми теми способами, которые отмечены В.С. Флеровым в захоронениях Маяцкого могильника (Флеров, 1993. С. 45, 46) и С.А. Плетневой в катакомбах Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 186, 189). На могильниках встречены: отделение черепа (№ 2, 18 ССМ, № 12 ВСМ-I, № 43, 50, 63, 68 ВСМ-I) (Аксенов, 1999б. Рис. 3, 26; 5, 1); разрушение рук и грудной клетки, при сохранении положения костей ног (№ 10, 15 ССМ, № 6, 8, 9 PM, № 3, 8 ВСМ-III) (Аксенов, 1999б. Рис. 2, 26; 3, 2); полное разрушение костяка с хаотичным разбрасыванием костей по полу камеры (№ 1 ВСМ-III, № 21, 26, 27, 33, 37, 51, 54, 57, 61, 75 ВСМ-I); полное разрушение костяка с укладыванием костей компактными кучками (№ 11, 16 ССМ, № 2, 5, 15, 19, 20, 23 ВСМ-I) (Аксенов, 1999б. Рис. 6, 1, 20); отсечение костей стоп (№ 2 ССМ) (Аксенов, 1999б. Рис. 5, 1); удаление из камеры части костей (№ 18 ССМ, № 14, 18, 24, 42, 57 ВСМ-I); связывание ног (№ 22, 23, 63 ВСМ-I).

Соотношение захоронений, в которых отмечены следы обряда обезвреживания погребенных, к общему числу исследованных на указанных некрополях катакомб представлено в таблице. При этом нами не принимались во внимание случаи, когда разрушение костяков было необходимо в целях освобождения места для новых захоронений или воздействием на них природных факторов. Разный процент захоронений с обрядом обезвреживания погребенных по могильникам может быть объяснен как разной степенью изученности самих могильников, так и спецификой погребального обряда на каждом могильнике, а также, вероятно, хронологическими рамками существования каждого из указанных некрополей. Достаточно большое количество катакомб с преднамеренно разрушенными костяками, как нам представляется, является одним из серьезных аргументов в пользу существования у салтовского населения обряда обезвреживания погребенных. Как показывают исследования позднескифских склеповых захоронений Крыма, в течение достаточно долгого периода, пока на поселениях, которым принадлежали некрополи, жили скифы, ограбление могил не практиковалось, тогда как в периоды межплеменных столкновений, завоеваний, смены одного

населения другим – разграбление и связанное с ним осквернение могил приобретают массовый характер (Дашевская, 1994. С. 82). В связи с тем, что аланское население продолжало занимать бассейн Северского Донца даже в XII в. (Повесть временных лет, 1950. С. 201), трудно предположить, что массовое разрушение костяков в салтовских катакомбных захоронениях, т.е. ограбление и осквернение их, связано с гибелью Хазарского каганата и массовым проникновением сюда славянского населения. Хотя единичные случаи ограбления катакомб или осквернения произведенных в них захоронений вполне возможны. Интересно, что на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике разрушению были подвергнуты почти все взрослые погребенные. Так, из 10 катакомб, не несущих следы обряда обезвреживания погребенных, в шести были захоронены исключительно дети (№ 2, 11, 29, 32, 34, 35) (рис. 10, 1, 2), а в двух случаях (№ 38, 50) взрослые умершие находились в погребальных камерах, явно тесных для них (рис. 10, 3, 4, 5). В катакомбе № 50 взрослого покойника уложили в камеру, в которой уже было произведено захоронение ребенка. Помещение взрослых покойников в небольшие по размерам погребальные камеры объяснить пока не представляется возможным. Разрушение костяков практически всех без исключения взрослых погребенных наблюдалось и на Маяцком катакомбном могильнике (Флеров, 1993. С. 46). Исключение делалось для детей, которые в силу своего возраста не могли принести большого вреда живым. На Рубежанском могильнике из восьми катакомб с не потревоженными костяками лишь три (№ 5, 7, 10) принадлежали детям. Вероятно, в этом случае сказывается специфика данного некрополя.

Таким образом, полученные материалы позволяют высказать ряд аргументов против гипотезы о массовом ограблении катакомбных захоронений. Современные “салтовцам” грабители вряд ли могли безнаказанно орудовать на могильнике в силу уже того, что почти все известные в настоящее время катакомбные некрополи расположены в непосредственной близости от городищ с довольно значительным для того периода населением (Верхний Салтов, Маяки, Дмитриевка). Этнографические данные показывают к тому же, что, например, осетины могилы предков посещают достаточно часто (7 и 12 основных поминок в год у мусульман и христиан соответственно, не считая еженедельных) (Калоев, 1984. С. 91; Магомедов, 1968. С. 381, 382), что, несомненно, не облегчало работу грабителям. Преднамеренное же разрушение могилы предков считалось настолько серьезной обидой роду, фамилии, семье, что за ней следовала кровная месть (Магомедов, 1968. С. 436).

На поверхности захоронения, по-видимому, имели какие-то опознавательные знаки. Вполне

возможно, что это были земляные насыпи над всем дромосом или его частью, над погребальной камерой, ибо случаи нарушения одних катакомб другими на указанных некрополях не отмечены. Зафиксирован пока единичный случай, когда бросили начатый дромос, так как он пересекался с дромосом более ранней катакомбы (катакомба № 25 ВСМ-III) (Бородулин, 1992). Такое возможно только в том случае, когда на поверхности земли какие-либо отличительные признаки могилы отсутствовали, и родственники не могли с большой точностью определить местонахождение более ранней могилы. Подобные ошибки салтовцев заставляют усомниться, что поиски их могил для грабителей более поздних времен не представляли большого труда. Опознавательные знаки над могилами, вероятно, по прошествии сравнительно непродолжительного времени исчезали. Мы склонны определять это время в 40–50 лет, т.е. временем смены двух поколений, ибо катакомбы достаточно редко содержат более пяти погребенных (3 взрослых и 2 детей), например, кат. № 30 (рис. 9, 2). Поэтому обнаружение захоронений после исчезновения надгробных знаков было делом случая. Показательно в этом отношении открытие Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника. Несмотря на то, что исследования катакомбных захоронений у с. Верхний Салтов велись с перерывами с начала XX в., а местное население принимало в них довольно активное участие, могильник был обнаружен совершенно случайно в 1989 г. При выпасе коров на пологом восточном склоне Нетечинского оврага одна из них провалилась в погребальную камеру.

Само наличие хода повторного проникновения в погребальную камеру, по нашему мнению, также свидетельствует не в пользу отнесения всех без исключения захоронений с разрушенными костяками к разряду ограбленных. Трудно представить себе грабителя, который, выйдя на дромос, шириной зачастую не более 0.6–0.7 м, будет идти строго по его стенкам, не пытаясь его расширить и тем самым облегчить себе работу. К тому же, проникновение в погребальную камеру через ее свод, без всякого сомнения, более удобно, безопасно и сопряжено с меньшими временными и физическими затратами. Однако именно такие случаи проникновения в погребальную камеру на катакомбных могильниках и не зафиксированы. Если принять во внимание тот факт, что салтовцы, во избежание ограбления камер, как считают некоторые исследователи, преднамеренно забивали их грунтом (Плетнева, 1989. С. 181), то остается непонятным, почему даже в этих случаях предполагаемые грабители не расширяли для удобства своей работы входы в погребальные камеры. Ширина входа даже в этих случаях редко превышает 45–50 см, т.е. вход узок даже для человека среднего роста и средней комплекции.

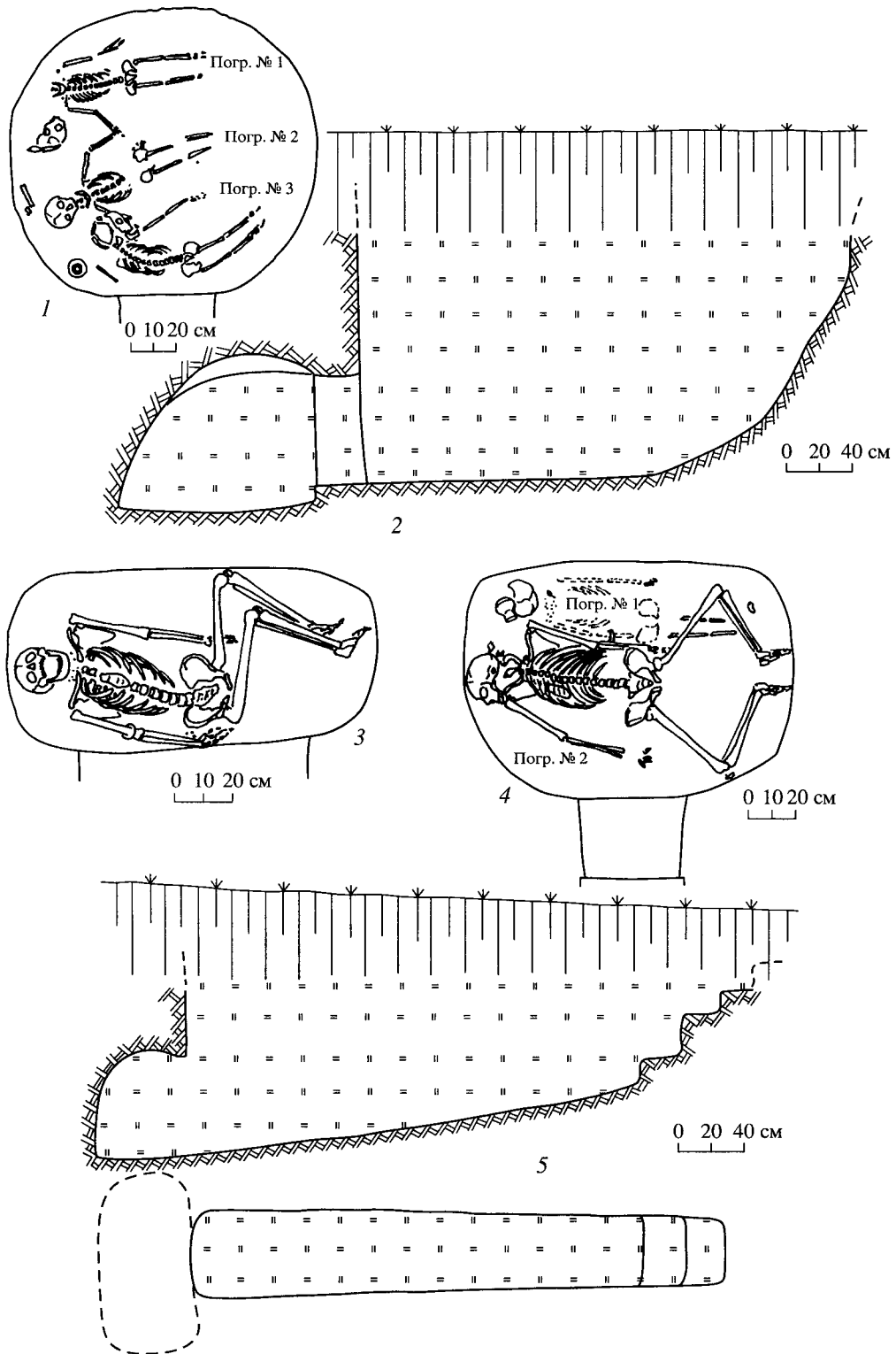

Рис. 10. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. 1, 2 – кат. № 29; 3, 5 – кат. № 38; 4 – кат. № 50.

Необходимо также задаться вопросом: что могло интересовать потенциальных грабителей в салтовских катакомбных захоронениях? Многолетние исследования катакомбных некрополей

(Дмитриевского, Маяцкого, Верхне-Салтовского) показали отсутствие в захоронениях сколько-нибудь значительных сокровищ. Сравнение же погребального инвентаря из одиночных (мужских,

женских) захоронений с целыми и нарушенными костяками часто показывает его идентичность и имеет рядовой характер. В некоторых случаях инвентарь из захоронений с разрушенными костяками даже богаче. Он представлен, вопреки представлениям об ограблении, золотыми и серебряными серьгами (№ 6, 30, 31, 33, 37, 41, 43, 47 ВСМ-IV; № 16 РМ), саблями (№ 1, 8 ВСМ-IV), арабскими серебряными монетами (№ 8, 14, 15, 17, 24, 48 ВСМ-IV), роскошными наборами бус (Аксенов, 1997. С. 163. Рис.1; 1998. С. 49. Рис.1). Факты же проникновения в захоронения грабителей нового времени современных “черных” археологов показывают что ученым после этого чаще всего приходится довольствоваться только фиксацией конструкции погребальных сооружений и мелкими незначительными вещами.

Об отсутствии страха перед вероятностью ограблений свидетельствует и незначительное количество тайничков, открытых в катакомбных захоронениях Подонья. На Дмитриевском могильнике открыто всего два тайничка в дромосах (кат. № 82, 106) (Плетнева, 1989. С. 179. Рис. 92). Два тайничка, но в самих погребальных камерах, были обнаружены в захоронениях Верхне-Салтовского могильника (№ 25 ВСМ-III, № 1 ВСМ из раскопок 1948 г.) (Семенов-Зусер, 1952. С. 274). Интересно, что в двух дмитриевских и одном верхне-салтовском (кат. № 25 ВСМ-III) тайничках находились только позолоченные украшения конской сбруи (начельник, фалары). Такое же наполнение имели и тайнички, обнаруженные под скелетами коней в конских захоронениях № 3 и 4 Верхне-Салтовского I могильника (Бородулин, 1986. С. 47–50). В тайничке катакомбы № 1 (ВСМ раскопки 1948 г.) находился пояс, украшенный бронзовыми бляшками, и нож в деревянных ножнах с серебряными обкладками. Таким образом, наличие четырех тайничков на более чем 500 исследованных (с момента открытия могильника в 1900 г.) катакомбных захоронений Верхне-Салтовского некрополя однозначно указывает на отсутствие опасений у населения за целостность положенного в могилу инвентаря. Хотя, заметим, в некоторых случаях отдельные ценные вещи и не выставлялись на показ. В катакомбе № 16 Рубежанского могильника золотые серьги были вкопаны в пол камеры, а сверху над ними был установлен кувшин (рис. 3, 2). В катакомбе № 30 ВСМ-IV золотые серьги, положенные у северной боковой стенки камеры, были прикрыты сверху бронзовым зеркалом (рис. 9, 2).

С точки зрения теории ограбления салтовских катакомбных захоронений невозможно объяснить, почему в некоторых случаях после проникновения в погребальную камеру и “ограбления” ее, каменные и (реже) деревянные заклады возвращались на первоначальное место. Такие случаи отмечены в захоронениях Старо-Салтовско-

го (№ 2, 15), Верхне-Салтовского I (№ 24), Верхне-Салтовского IV (№ 18), Верхне-Салтовского (№ 3 из раскопок 1948 г.) могильников (Бородулин, 1982. С. 13; Михеев, 1983. С. 8; Семенов-Зусер, 1949; Колода, 1996. С. 6, 44. Табл. XXI). Подобные действия, тем не менее, вполне согласуются с обрядом обезвреживания покойников. Живые продолжали опасаться конкретного покойника даже после проведения обряда обезвреживания и возводили между собой и покойником дополнительную преграду, возвращая заклад на вход в погребальную камеру.

Во время проникновения в захоронение из камеры изымались вещи, не представляющие, с точки зрения ограбления, особой ценности – керамические сосуды, а довольно ценные вещи (оружие, украшения) оставались на месте. Из 40 захоронений ВСМ IV с обрядом обезвреживания покойника лишь в 16 камерах сосуды находились рядом с останками погребенных, еще в одном случае (кат. № 28) целая кружечка находилась в засыпке хода повторного проникновения над отброшенным от входа в камеру каменным закладом (рис. 2, 1). В остальных случаях в засыпке хода повторного проникновения встречались фрагменты, иногда довольно крупные, салтовской керамики (рис. 8, 1) – все, что осталось, по-видимому, от помещенных в погребальные камеры сосудов с жертвенной пищей. На Рубежанском некрополе только в 5 из 10 захоронений с обрядом обезвреживания погребенных в камерах находились гончарные сосуды. Объяснить это можно тем, что разрушение костяка человека, вероятно, означало окончательный разрыв умершего с миром живых, полный переход в потусторонний мир и, как следствие этого, ликвидацию сосудов с жертвенной пищей, выполнивших свою функцию хранилища пищи на пути умершего в мир мертвых (Зеленин, 1934. С. 9).

Таким образом, следует констатировать, что обряд обезвреживания погребенных представлен не только на каких-то отдельных катакомбных некрополях салтово-маяцкой культуры (Маяцкий, Дмитриевский), но характерен и для других катакомбных могильников бассейна Северского Донца (Старо-Салтовского, Верхне-Салтовского, Рубежанского). Представленный на указанных катакомбных могильниках обряд обезвреживания покойника своими способами, последовательностью действий идентичен обряду обезвреживания катакомбных некрополей Северного Кавказа I–VIII вв. (Флеров, 1998 а,б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С. Исследования салтовского могильника у с. Рубежное на Харьковщине // Древности 1996. Харьков, 1997.

- Аксенов В.С.* Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника // *Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр.* Київ, 1998.
- Аксенов В.С.* Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1997 г. // *Древности 1997–1998.* Харьков, 1999а.
- Аксенов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua.* 1999б. № 2.
- Бородулин В.Г.* Дневник раскопок Старосалтовского катакомбного могильника в 1982 г. // *Архив ХИМ.* 1982.
- Бородулин В.Г.* Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1986 г. // *Архив ХИМ.* 1986.
- Бородулин В.Г.* Дневник раскопок Верхнесалтовского отряда Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР // *Архив ХИМ.* 1987.
- Бородулин В.Г.* Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1989 г. // *Архив ХИМ.* 1989.
- Бородулин В.Г.* Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1992 г. // *Архив ХИМ.* 1992.
- Дашевская О.Д.* О разорении греческих и скифских могил в древности // *РА.* 1994. № 4.
- Ефименко П.С.* Упыри (из истории народных верований) // *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія.* Київ, 1991.
- Зеленин Д.К.* Истолкование пережиточных религиозных обрядов // *СЭ.* 1934. № 5.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Калоев Б.А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // *Кавказский этнографический сборник.* М., 1984.
- Колода В.В.* Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского комплекса в 1996 г. // *Архив ИА НАН Украины.* 1996.
- Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
- Михеев В.К.* Отчет о раскопках Старосалтовского катакомбного могильника за 1983 г. // *Архив ХИМ.* 1983.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам // *МИА.* 1967. № 142.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Повесть временных лет.* Ч. 1. М; Л., 1950.
- Покровский А.М.* Верхне-Салтовский могильник // *Тр. XII АС.* 1905. Т. 1.
- Семенов-Зусер С.А.* Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // *Археологічні пам'ятки УРСР.* Т. 1. Київ, 1949.
- Семенов-Зусер С.А.* Дослідження Салтівського могильника // *Археологічні пам'ятки УРСР.* Т. III. Київ, 1952.
- Тесленко Г.І.* Розкопки Верхньо-Салтівського согмльника 1920 року. Збірник на пошану акад. Д.І. Багалеві / *Наукові дослідження кафедри історії української культури.* № 6. Харків, 1927.
- Флеров В.С.* Маяцкий могильник // *Маяцкое городище.* М., 1984.
- Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // *Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы.* Вып. 1. Волгоград, 1993.
- Флеров В.С.* Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений // *Проблемы истории и археологии Украины.* К 140-летию со дня рождения академика Д.И. Багалая. Харьков, 1997.
- Флеров В.С.* Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I–VIII вв. // *VII Донская археологическая конференция “Проблемы археологии Юго-Восточной Европы” (22–29 ноября 1998 года).* Ростов-на-Дону, 1998а.
- Флеров В.С.* Разрушение скелетов на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // *МАИЭТ.* 1998б. Вып. VI.
- Франко И.Я.* Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г. // *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія.* Київ, 1991.

Prophylactic Rite Directed Against the Dead in the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky Catacomb Cemeteries of Saltovo-Mayatskoe Culture

V. S. Aksenov

Summary

New excavations at the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky cemeteries (the Ukraine) were carried out by the author. The sites date back to the Khazar kaganate. A series of burials were marked by prophylactic rite directed against the dead and aimed at protection of the living from the negative influence of the buried. The rituals included penetration into the burial chamber an partial or full destruction of the skeleton. A stratigraphy of the tunnels leading into the chambers was revealed. The variants of skeletons' destruction are analysed, as well as other features characterising the rite practised in the chambers with single, two, or more buried. The author stresses the necessity to distinguish in the process of the excavations between the graves plundered in antiquity and those undergone the prophylactic rite. He points in particular to the finds made of gold and silver often found in the latter, which seen to be hardly possible in case of plundering.